
Рустам МАВЛИХАНОВ

АНГЕЛ FM

Рассказ

Пробка начиналась от Мухинской больницы. Хотел сказать: «Эх, что же раньше не выехали!» — но вовремя спохватился. Произнес:

— Ничего, успеем. Солнце еще высоко!

Сейчас сверну вправо, на Свободный, оттуда выеду на Носовихинское шоссе и — огородами, огородами — выскочу на бетонку. Пару часов сэкономлю. Успеем. А если припозднимся — погуляем по Нижнему, покочуем по барам на Рождественской, заглянем в гулкие зевы подворотен, посидим у стен Кремля — отель рядом забронировал. А на могилки уже с утра — традиция. Радуница.

— Солнце? — позвал я, озадачившись молчанием: обратиться «луна моя» не поворачивался язык.

Солнце сидело, задумавшись. Теплый апрельский ветерок залетал в приоткрытое окно, распрямляя локоны, — они у нее кудрявятся после душа. По-восточному зеленые глаза, к ним — обручальное кольцо с изумрудом. Сказали, что натуральный, но кто их знает? Кулон с кошачьим глазом — этот-то точно искусственный: два километра китайского оптоволокна, намотанных в переливающийся шарик, — но других не водится в магазинах. Она с ним не расставалась: первый подарок, еще из тех времен, когда было много нужды и много надежд. Тонкие пальцы покоятся на бежевых складках плаща. Наша песня играет: «По весеннему Арбату ты идешь», — не помню чья, и познакомились мы не на Арбате, а на Никитском. Он тогда еще не был в брусчатке, воробы купались в каменной крошке и пыли — такой же ласковый день обещал кончиться дождем.

— Помнишь?

Солнце отсутствующе улыбнулось и переключило волну радио. Белый шум заполнил салон.

* * *

Конечно, я помнила. В то утро поставила печать на практику. В музее искусства народов Азии. Вышла на бульвар — ура, свобода! Почки распускались, терпко тянуло каким-то запахом... берез? Прошлогодних лип? Еще подумала: надо было взять зонтик. Ноги сами понесли — не знаю куда. Догадалась: кажется, сейчас сверну на Малую Бронную. Нравится мне эта узкая улочка — уютная. На узких улочках в этом горо-

---

Рустам Мавлиханов родился в 1978 году в г. Салавате (Башкирия). Публиковался в журналах и альманахах «Нева», «Крещатик», «Журнал ПОэтов», «Невский проспект», «Слово/Word», «День и ночь», «Традиции & авангард», «Нижний Новгород», «Северо-Муйские огни», «Дальний Восток», «Изящная словесность», «Бельские просторы», «Балтика», «Метаморфозы», «Исток», «Идель», «Сура», «Unzensiert», «Воскресенье», «Полночь в Петербурге», «ЛиФФт». Живет в Салавате.

де тихо. А она вынесет... ну да, на Патриарший, куда же еще! И тут, как далекий гром, услышала банальное: «Девушка!»

На принца он не был похож, ключи от белого коня в руках не крутил. Высокий, в меру нелепый... голос глубокий, парфюм — аккуратный, не назойливый. Я не обернулась бы, но — накатило дежавю. А не доверять этому чувству я уже боялась.

К тому же за его напускной веселостью читалось одиночество — то, которое нужно искать в больших городах.

* * *

Мы тогда прогуляли весь день, до вечера. Ели турбинки, мороженое. У меня уже заканчивался запас анекдотов и прибауток, но как нельзя кстати с неба ливануло. Отдал ей куртку — не отстранилась. Нашли открытый дворик у Арбата, грелись джином с тоником. Хоть у нее в тонике почти не было джина, но разговорилась: прямо сияла, когда рассказывала о наших путешественниках в Индокитае, о скульптурах Анкер... Ангор... короче, какого-то города то ли в Тае, то ли в Бирме. Даже скинула туфли, забралась на скамейку. Расслабилась...

* * *

Да, тревога от дежавю отступила: все хорошо, и вороны тройками не летали. Ноги устали от каблуков, но я держалась. Его голос успокаивал. Говорил глупости, но успокаивал. Правда, один раз удивил. Мы сидели у Спаса на Песках, он показал на Дом Щепочкиной — его колоннада виднелась у сквера. «Вот посольство несуществующего государства». — «Такие бывают?» — не поверила я. Оказалось, сомалийское. Потом начал пересказывать боевик про упавший американский вертолет. Увлекательно... Осторожно приобнял меня — решился наконец. Рука была горячей. Захотелось почувствовать ее на затылке. Закрыть глаза. Стечь.

Но он коснулся шрама на шее. И меня чуть не охватила паника: как же я забылась, почему развязала кашне?! Отдернулась.

* * *

Тогда я не понял, что это было. Поторопил события? Ляпнул что-то не то? Только потом узнал — увидел эти шрамы от ожогов: слева на шее — Марина никогда не носила короткую стрижку, — вдоль позвоночника, на ребрах. Они белели, когда она волновалась. Как сейчас.

— Ты хочешь поехать направо, через Новокузнецко? — спросила. Ладонь еле заметно дрогнула, зрачки расширились.

— Да. Направо уже не повернем. Что-то случилось?

— Еще нет... Там же развязка — она как крест, над погостом?

Заглянул в навигатор.

— Да. Перовское кладбище отмечено. Ты что-то услышала?

— Да.

— По своему радио?

— Да.

— Сказать можешь?

— Пасха мертвых... — промолвила она после паузы. — Они там молятся... Остановись, пожалуйста.

Я послушался жену — научился доверять за неполные двадцать лет... нет, не ей — ее предчувствиям; свернул в переулок, припарковался. Вывел, чуть не насильно, из машины:

— Пойдем, тут пруд есть.

Не ахти какой — лужа лужей, в которой отражается кирпичная многоэтажка. Но хоть какая-то вода — та, что гасит огонь. Отвернувшись, чтобы не увидела пламя, закурил.

Через две сигареты к больнице промчались несколько «скорых».

— Все? — спросил я.

— Да. Можем ехать.

Вернулись, настроил радио. «На четвертом километре МКАД, на пересечении с Носовихинским шоссе, произошла крупная авария, — бодро говорил голос диктора. — По предварительным данным, бензовоз не справился с управлением и упал с путепровода. Имеются пострадавшие».

* * *

Мне тогда стало неловко за свою реакцию. Даже стыдно. Чтобы загладить вину, чмокнула его в щеку. Стало еще хуже. Разозлилась — на себя, но больше — на свой стыд.

Он проводил до метро — дальше я не разрешила. А ночью поняла, что, кажется, влюбляюсь.

Так и вышло. День за днем, капля за каплей он становился стройнее, надежнее, умнее. Даже стал отличать Шиву от Вишну и Сунь-цзы от Лао-цзы. И я — Пеле от Марадоны и каре от флеш-рояля. Ездили на пикники, училась играть на гитаре. Через год пела Янку и Бутусова, завалила сессию, ушла на заочку. Я была счастлива. Большинству женщин свойственно жить в тревоге, но тогда — я была свободна. От своих страхов.

Он познакомил меня с друзьями. За острый язык они называли меня язвой. Спрашивали, не скорпион ли я по гороскопу, отвечала — змея. Шутили: «Кобра или удав на стекловате?» Посчитать годы не пытались. Иначе сообразили бы, что для универа я не вышла возрастом.

Хотя в восемьдесят девятом, в год Змеи, я родилась второй раз.

* * *

Я увлекся... Да какое там — втюрился! Чтобы соответствовать ей, засел на форумах, откуда меня послали — спасибо, что не в бан, а в библиотеку. Ребята подкинули тему, извернулся, дела пошли в гору — наверное, чтобы прийти к успеху, и правда нужна женщина за спиной. Конечно, поступи я в МГИМО, был бы богаче... Но встретил бы тогда ее? В общем, и так нормально — ветер в кармане не свищет.

На новогодние взял тур — на Пхукет. Пусть, думаю, увидит своих будд, порадует. Уже собрались, упаковали чемоданы, до самолета три часа, на кухне по радио певица тянет «Я и мачо», Марина вышла проверить, все ли выключено, — и тут с ней случилась истерика. Вернулась в спальню, лица нет:

— Я не поеду. И тебя не пущу.

— Что? Почему?

— Не спрашивай ничего, Олеженька. — В глазах не тревога — ужас. Подбежала, стала торопливо раздевать, отрывая пуговицы: — Прошу, давай останемся дома, хочешь меня, давай займемся сексом, будем просто лежать, смотреть киношки, как в июле...

— В каком еще июле? — Взял ее за плечи, встряхнул. — Что с тобой, можешь объяснить нормально?

— Ну в июле, помнишь, мы на «Рок-крылья» не пошли, я тебя в постель уложила. — Заломила руки, губы дрожат. — Пожалуйста, — шепчет.

Принес воды. Сказал со всей твердостью в голосе, чуть не по слогам:

— Все. Будет. Хорошо. Выпей — и поехали. Опоздаем.

Сверкнула глазами — зло, волчи, — схватила билеты, порвала. Путевки с паспортами еле успел вырвать. Тогда кинулась к двери, встала. Смотрит затравленно.

— Хочешь — бей. Но не пушу.

Я опешил. Как ножом саданули в живот.

— Мне? Тебя? Бить?

Психанул. Поехал к пацанам, забухал. Праздники как в тумане: бары, дачи, сауны, девки. Одна из них нашла в кармане рекламу отеля в Тае:

— Ого! Клевое место!

Игорек посмотрел:

— А ты везунчик, бро! Туда, что ли, собирался?

— Ну!

— Точно везунчик. Смело твой отель. Начисто.

— Как — смело? — не понял я.

— Цунами там было. Новости совсем не смотришь? А, ну да, ты же в штопоре...

* * *

Как Новый год встретишь, так и проведешь? Не знаю. Купила мандаринов, бродила полночи, раздавала встречным детям. Душила слезы. Январь был удивительно снежным. Весна — с запахом пыли. Лето — жарким и дождливым. Я поехала автостопом. В сторону «дома». Никогда не знала, где он. Но почему-то казалось, что там, за Уралом.

Всю дорогу хотелось поделиться с ним: «Смотри, Хельг, какие красивые холмы. Какой ветер! Какое небо...» Да, все могло бы сложиться иначе, если б не эти ужасные... но что уж теперь поделать — я приехала на «Ильменку», достала гитару и стала петь. Там и познакомилась с Женькой. Поляну накрыл ливень — не такой, как девять лет спустя, в четырнадцатом, но все же. Под соснами прятаться было бесполезно: с них лило ручьями. Согнулась, спасала гитару. И тут услышала из палатки:

— Эй, гирла! Ныряй сюда!

Потом сушили спальники, выжимали вещи. Смеясь, отшивали помощников.

— Женя, — представилась она. — Женя Брр.

— Брр? — переспросила я. — Это ник такой?

— Ага! Тебе разве не брр? Сейчас согреемся! — подмигнула она и махнула дредами. Крикнула на весь бор: — Эй, пипл! Где манюня ходит?

Нас позвали к костру. Кружка шла по кругу, я подбирала аккорды на слух, Женька подыгрывала на маракасах. К утру в моем блокнотике была куча вписок — от Новосибя до Минска.

Потом мы двинули на «Грушу», оттуда — на «Радугу». По дороге заскочили в Златоуст, погуляли по трамвайным рельсам. Под Ашой уговорила подругу свернуть на Змеиную горку. Трасса была пустая, морось шелестела по дождевикам. Пришли на место. Пахло крезотом.

— И что тут? — оглянулась она в недоумении.

— Мой дом. Меня тут нашли.

— Где — тут? В лесу? На шпалах?

— Где-то тут. Здесь два поезда взорвались в восемьдесят девятом. Меня спасли. Родители не нашлись. Наверное, сгорели. А может, я была с бабушкой. Или уже была сиротой. Не помню. Только то, как люди вспыхивали. Как зажигалки. Вот бежит — и синее пламя. И все. Потом — больница. Боль. Оживать — это больно. Детдом. Когда получала паспорт, воспитательница сказала, что мы, возможно, ехали без билетов, что в списках пассажиров никого, похожей на меня, не было, а потому год рождения мне поставили на глазок — восемьдесят шестой. А день рождения — вон, — я кивнула на памятник.

— Ну, блин... Ну ты даешь, Марин! — Женя скинула рюкзак и села на рельс.

— Сима. Меня записали Серафимой. Нянечка была набожной, настояла на этом имени. А Мариной я стала потом, в паспорте.

— Почему?

— Потому что серафим — огнекрылый. А Марина — это море.

Я спустилась с насыпи, нарвала одуванчиков. Разложила по паре.

— Пойдем. Больше мне делать тут нечего.

— Ты нормально?

— Я? Я никак.

* * *

Перед Колокшей стоял стопщик, весь в оранжевом и с фликерами, активно делал пассы руками. Марина в ответ подняла два пальца вверх — на их языке то ли «победа», то ли «мир».

— Взять? — спросил я.

— Не надо. Ему направо, он хочет обойти Владимир по новой объездной. Там и безопасней будет.

— Ты это все поняла из жестов за десять секунд?!

— Ну да, — пожалала она плечами: очевидно же. — Да и слишком навороченный он. Весь на шарнирах.

— Но ты пожелала ему удачи...

— Мне не трудно, а ему — надежда: его видят, ему отвечают.

Пообедали во Владимире, на Суздальском перекрестке. По телевизору — неприятные новости. Паршивые новости. Кто-то громко попросил переключить. Буфетчица стала щелкать — несколько каналов попались пустые, с серым шумом. Наконец нашелся музыкальный.

Я взглянул на жену. Она сидела бледнее своих шрамов, не поднимая глаз от тарелки и насылая вилок рыбу в остатках макарон. Такой я ее еще не видел. За двадцать лет.

Черт, как я устал от этих ее предчувствий!

— Заедем к Покрову? — попросила. Глухо, как из-под груза вины просят прощения.

Я взглянул на часы:

— Хорошо.

* * *

Под Уфой мы заночевали в мотеле — вписал один дядька. Рассказывал, как в девяностые ушел пешком, бросив все, из Казахстана. Утром никуда не отпускал, пока не посадил сам на фуру, идущую до Самары. На «Груше» нас чуть-чуть обокрали. Стащили мой пояс и новый спальник. На выезде с поляны застопили местных журналистов. Пока поднимались по серпантину, Женька им пожаловалась — они отсыпали

продуктов: не хотим, сказали, чтобы у вас плохие впечатления о нашем крае остались. Под Нижним Ломовом взял мужик. Кормил всю дорогу «Сникерсами» и спрайтом, топил под сто восемьдесят и через каждые километров сто пропускал по стопке: ночью получил телеграмму, что в Брянске скончалась мать. Где-то под Рязанью спросил дорогу у гаишников — те даже не пытались его остановить.

— Видишь: бог дорог хранит своих, — прокомментировала Женя. Сжала мне руку, протянула полупросительно: — Бояться не ну-ужно.

Я ответила ей под Яжелбицами, за Валдаем. Вечерело, машины текли рекой, спешить было некуда.

— Знаешь, Бог, я верю, что ты в том КамАЗе, за горой. Ты летишь за мной, вдавив педаль в пол. Я тут. Я живу. Среди живых. Я — часть всего, что есть.

Подруга странно посмотрела на меня:

— Слушай, а ты точно человек? Может, тебя феи подкинули или лешие? Там, на перегоне...

— Не знаю, — улыбнулась я.

После «Эльбы» зависли в Питере, в деревне художников на Озерках. У Марии — она шила накидки из лоскутков. С мужем. Своего Олега я почти не вспоминала. Хозяйка как-то спросила:

— Ты что на завтрак будешь? Булгур или макароны?

— Макароны. Я к ним привыкла в детстве.

— Точно? Ну, макароны так макароны.

Днем аскали у Казанского: Женя пела «Аргентину—Ямайку», я — ходила со шляпой по слушателям. Потом менялись. Однажды ассистировали бомжу, бывшему хирургу: он вырезал фурункул у панка. С анестезией из стакана водки. Вечером гуляла с собакой — до Шуваловского кладбища. Весело было. Непросто, но... правильно.

Небо становилось все более звездным — август. Подруга звала перезимовать к себе, в Киев — я отказалась: учеба. Киев никуда не убежит, сказала, увижу еще. Проводила ее до Орши и повернула на Москву.

Женька погибла через три года, в две тысячи восьмом. Поехала на Алтай и пропала без вести. Но о таком по радио не говорят.

Похоронили ее только в двенадцатом.

* * *

Выйдя из штопора, я оказался в ненавистном городе: в груди саднило от одних названий наших с Мариной мест: Арбат, Варшавка, Никитский, Страстной. Даже от Сомали и искусства Востока. Чтобы забыться, нашел вакансию подальше от Москвы и стал работать как вол, по пятнадцать часов в день. Спустя пару зим меня отпустило.

Я вернулся, снял номер в «Балчуге», позвонил ей. Думал, откажется, но нет — встретились. Девушка на ресепшене «понимающе» стрельнула глазами: богатый клиент привел какую-то хиппушку — разноцветные пряди волос, выбритые виски. Оставлю без чаевых.

После — лежали, курили. Красное вино таяло в красном свете торшера.

— Мы высоко от земли, — сказала она, вглядываясь в черноту за окном. — И еще дальше от неба.

— Поехали со мной, — предложил я.

— Я тигрица. Тебе нельзя со мной.

Затушил сигарету, измочалив ее до фильтра.

— Почему? Дорога — твой дом, и для любви это не место?!

— Нет, все проще. Окини-сан у Пикуля говорила: женщина-тора — рожденная в год Тигра — приносит несчастья своим мужчинам. — Марина коротко улыбнулась: вот так, и с этим ничего не поделаешь.

— Ты не могла успеть принести несчастья многим. А счастье...

Она нырнула в кровать плавным, кошачьим движением — и куда делась та храбрящаяся девчонка с вечно испуганными глазами? Накрыла губы поцелуем:

— Тсс!

— Если ты крадущийся тигр, то я — дракон. Летящий.

— Затаившийся. Летящие — это кинжалы.

— М?

— Не думай!

* * *

Я бы не приехала. Но в тот год сняла комнату на Симферопольском бульваре. И однажды в обычной пластине-двенадцатизэтажке обнаружила сомалийское посольство. Стала ждать. Через полгода он написал на почту: «Если этот ящик еще живой, ответь». Днем съездила в отель, оставила администратору телефон на купюре. Вечером он позвонил.

В номере пахло табаком и розами, сквозь которые пробивался тот, забытый запах апрельского — его — парфюма. Тогда я поняла: сдамся. Поиграю немного в обиду — и сдамся.

А под утро мы стояли у окна — тени расплзались по своим углам, внизу шелестели «поливайки», — и я ему все рассказала. И про то, как меня нашли, и как слышу выпуски новостей в белом шуме — за несколько минут до того, как они прозвучат в эфире, или за несколько часов, если жертв под сотню и больше. И про июль, когда не пустила его на «Рок-крылья».

— Может, мне следует сообщать? Я устала от этого... «дара».

— Кому?! Не сходи с ума! Тебе не поверят и закроют — будешь доказывать, что не верблюд. А если поверят — тем более закроют: радио круглые сутки слушать.

У меня все оборвалось: значит, так и нести это до конца. Неделимое, неотвратимое. Я умирала. Я ответила:

— Хорошо...

Он словно услышал меня — ту, которая глубоко внутри, которая безмолвно вопит от ужаса.

— Я всегда буду рядом.

* * *

Она ответила «да», принимая кольцо. В апреле, в сквере за Арбатом — и свидетелем был памятник Пушкину. На медовый месяц мы полетели в Гоа — на этот раз благополучно: самолет падать не собирался, больших взрывов не предвиделось. Я не знаю, оставил ли ее страх, но, выйдя из пещер Аджанты, она сияла — задумчиво и загадочно.

Сделал ли я ее счастливой? Не знаю. Но в отличие от соседей у нас был один телевизор на двоих — и не было по собаке на каждого. И встречались мы не только за ужином.

* * *

Сделала ли я его счастливым? Нет, не думаю. Может, мудрее... Он хотел ребенка, но я слышала — где-то вдали, в будущем, в затаившейся тишине — сирены. Много сирен и бесконечный колокольный звон. По нам.

Стала ли счастлива я? Пожалуй. Если джин своего одиночества можно растворить в тонике близкого человека — это ли не счастье?

* * *

Она вышла из церкви, обошла ее по кругу, не отрывая ладони от стены, на Нерли покормила уток. Всю обратную дорогу через луг оглядывалась, словно прощаясь, задержалась на переходе через железную дорогу, долго смотрела. Сроду не крестилась на людях, но тут — переборолла стыдливость. Спустилась к пруду, в котором отражался монастырь, присела под ивой, погладила воду. Слезы, которые она смахивала с ресниц, были бы похожи на слезы радости, если бы не...

— Там есть башня с лестницей, под которой убили Андрея Боголюбского, — сказала она, умываясь. — Его последними словами были: «В руки Твои предаю...» Впрочем, это уже не важно.

— Малыш... Мы столько раз разминулись со смертью... Все будет хорошо, — произнес я. Не по слогам, одной фразой, понизив тон в конце — до выдоха.

— Я знаю, — Марина вложила ладони в мои. — Поедем. У нас еще достаточно времени.

До Нижнего долетели стрелой. Взяли коньяк, поднялись на гору, бросили машину на верхнем ярусе набережной и пошли на пешеходный мост.

* * *

Навий день догорает — багровое солнце садится, утопая в дыму ранних лесных пожаров. С Волги дует пронизывающий, холодный ветер.

Делают по глотку. Олег разламывает шоколад.

— Не спрашиваешь. Спасибо. Мне нечего сказать. — Не оборачивается: впитывает кожей последние лучи. — Я ничего не слышала. Совсем ничего. Чистый белый шум. Только... я не уверена... как будто гудел большой колокол — вот как этот ветер, но с медным призвуком... и на мгновение прорвался далекий голос. Или мне показалось.

— Что он говорил?

— «Есть кто живой? Кто-нибудь, отзовитесь».

Он ставит бутылку на перила. Осторожно отнимает руку.

— Их будут сотни?

Усмехается.

— Тысячи?

Порыв ветра.

— Больше?

Молчит.

— Все?!

— Не знаю. Наверное. И я никогда ничего не услышу.

— Ты так безразлично об этом говоришь...

Короткий взгляд на мужа: желваки играют, кулаки сжаты. С трудом сдерживает бешенство — на них. За двадцать лет она познала его. И себя — его глазами.

— Милый... Бояться не ну-ужно. И злиться надо было раньше. А теперь — время ждать. Другого нам не оставили.

Он глядит за реку: желтый собор на Стрелке, огни города, мглистые сумерки...

— Прилетит вон туда. Там самые «вкусные» заводы. А мы стоим к ним лицом... Гореть — больно?

— Очень больно. Когда до тебя доходит, что ты горюшь.

— Но если сразу вспыхнуть зажигалкой — можно не успеть ничего почувствовать...

— Я очень на это надеюсь.

— А ты отчаянная...

— С кем поведешься... Кто в бунгало в Камбодже скорпионов голыми руками ловил?

— Вспомнила же!.. Успеем допить? Хороший коньячок, жаль, если пропадет зря.

Хотя о чем я? И так пропадет.

Разливает по металлическим рюмочкам. Чокаются.

— Прости меня за все.

— Давно простил. «Всегда» — простил.

Выдыхают. Она поворачивается к нему. Глаза озорные.

Он смотрит вопросительно. Ждет.

— Мужчина! Вы меня хотите?

— Сейчас? Здесь?

— Всегда. Ты только что сказал: «всегда».

— И везде. До края света.

— Сколько раз ты слышал от меня «я тебя люблю»?

— Ну... пару десятков. А что? — он подхватывает игру.

— Я только сейчас поняла: я всегда тебя любила. И всюду.

— Я знаю.

Доволен ли ты, Бог? Вот они, два праведника — Ты их ждал? Они закроют собой смерть этого города. И они не умрут — никогда, никогда, — пока им — в плеске реки, в гудках пароходов, в беге ветра по оврагу, в колыхании трав, в шелесте шин по мосту — слышится:

«Жизнь. Жизнь».